

ИНФОРМАЦИЯ. ХРОНИКА

Юрий Сергеевич Степанов (20.07.1930–03.01.2012)

Прощание с подмосковными вечерами

Начало 2012 года для лингвистической общечеловечности выдалось грустным. 3 января перестало биться сердце действительного члена Российской академии наук (ранее СССР), доктора филологических наук, профессора, заслуженного профессора Московского университета, почетного доктора Вильнюсского университета Юрия Сергеевича Степанова. Уход из жизни такого человека является большой потерей не только для его семьи, но и для его близких, а близкими себя считают его многочисленные ученики и коллеги не только в Москве и России, но и на большой территории от Литвы и Эстонии до далекой Армении и еще более отдаленной Индии.

Академик Ю.С. Степанов не нуждается в особом представлении, так как о нем написано уже очень много¹. Остановимся только на самых важных моментах его жизни и деятельности.

Юрий Сергеевич родился и вырос в Москве. В 1948 г. он окончил школу и одновременно курсы переводчиков испанского языка. В 1948–1953 гг. на филологическом факультете МГУ изучал романистику (испанский, французский и итальянский языки), а в 1953–1956 гг. продолжил свои занятия здесь же в аспирантуре.

Московский университет в те годы был бесспорным ведущим учебно-научным центром Советского Союза. В Москве было сосредоточено большинство главных учебных и научных учреждений СССР². Власть понимала, что директивами и указами невозможно было создавать атомное оружие и начать освоение космоса, поэтому и терпело тут немалую скрытую научную фронтду. Ее свободомыслие не подавлялось, если оно не выходило наружу. Брат “матерого врага народа” С.И. Вавилов мог успешно возглавлять Академию наук СССР. В годы гонения на генетику в рамках атомного проекта сохранялась одна ее лаборатория, в которой ее гонителя, “народного академика” называли шарлатаном, а его фами-

Ю. Степанов

лию умышленно произносили с искажением — Лысенко. В академических кругах сложилась своя негласная идеология и взгляд на историю и современность: генерала А.И. Деникина называли русским патриотом, “героическое стахановское движение” — приписками и очковтирательством, раскулачивание — уничтожением товарного производителя хлеба... Внутренняя свобода оставалась непорабощенной. Власть, заботясь о своем имидже, постоянно подпитывала академическую науку, обеспечивала необходимой зарубежной научной литературой и данными, полученными по закрытым каналам. Все это создавало возможность академической науке в СССР успешно конкурировать с западной.

В Москве сохранялись традиции знаменитой фортунаговской лингвистической школы. Работали ученики учеников и коллег ее основателя. Основой этой школы всегда была лингвистическая эрудиция и кругозор, ориентация на междисциплинарные и общенаучные связи. На занятия по древним языкам приходили физики, математики, психологи — студенты самых различных специальностей. Студенты-филологи также посещали самые различные научные курсы.

В этой среде выросла и стала восходить звезда будущего академика. За годы учебы он, кроме испанского, французского, итальянского и латинского языков, изучал также английский, немецкий, древнегреческий язык. Санскритом занимался у известного языковеда М.Н. Петерсона, которого считали своим основным учителем многие будущие известные академики и профессора³. Заслугой Михаила Николаевича является то, что он сумел бережно “передать студентам наследие фортунаговской школы и высокие профессиональные и этические стандарты”. Правда, его направление научной деятельности не оказало большого влияния на Юрия Сергеевича — по-видимому, уже тогда его постоянно тянуло за безбрежные рамки традиционного сравнительно-исторического языкознания. Ю.С. Степанова, кроме лингвистики, интересовало многое: философия, логика, история, культура, литература, общенаучные знания и методология... За годы аспирантуры он написал и успешно защитил диссертацию по сравнительному синтаксису старофранцузского и староиспанского языков IX–XIII вв. Его научным руководителем был член-корреспондент АН СССР Р.А. Будагов (1910–2001), интенсивно занимавшийся семасиологией. Это направление, наряду с семиотикой, стало для Ю.С. Степанова одним из основных в его научной деятельности. Впоследствии семиология и семантика привели его к исследованиям в области когнитивной лингвистики и к созданию фундаментального словаря концептов. Первой после диссертации опубликованной научной работой стала “Проблема предложения в сравнительно-историческом синтаксисе”. В этой области он также много работал, опубликовав такие известные монографии, как “Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика)” (1981) и “Индоевропейское предложение” (1989).

В 1956 г. начиналось другое время — время “хрущевской оттепели”. Открывались не только окна, но и двери в Европу. В 1957 г. они открылись и для Ю.С. Степанова. Он был командирован в Париж, где учился в различных

учебных заведениях у знаменитых профессоров: в Сорбонне — у языковедов Андре Мартине (1908–1999) и Гюстава Гийома (1883–1960)⁴, литератора П.-Ж. Кастекса (1915–1995), в Практической школе высших студий (École pratique des hautes études) — у социолога Г.Д. Гурвича (1984–1965)⁵ и лингвиста Эмиля Бенвениста (1902–1976), в Коллеж де Франс — у того же Э. Бенвениста и французского искусствоведа Р. Юнга⁶ (1906–1997), бывшего долгое время хранителем музейной коллекции Лувра. Кроме того, он регулярно посещал ежедневные занятия в “Высшей школе устных переводчиков” по французско-русскому и русско-французскому переводу. В свободное время он спешил в “Синематику” на просмотр классических фильмов, на лекции по искусству Франции, на выездные экскурсии, иногда — в поездки по стране. Жизнь, традиции и обычаи Франции были основательно изучены в их историко-культурных аспектах, а также в их языковом отражении. Все это было для него важно. Все преподаватели в разной мере оказывали влияние на Ю.С. Степанова и его формирование как ученого, однако особое влияние на него оказал Э. Бенвенист. Увидев особое старание и способности русского ученого, известный мэтр французской лингвистики стал постоянно приглашать молодого коллегу к себе домой для продолжения занятий. Это было знаком особого доверия и признания. Юрий Сергеевич до конца жизни считал его самым главным своим учителем. Это подтверждает и дальнейшая учебная и научная деятельность профессора Ю.С. Степанова. Как и Э. Бенвенист, он также много работал со своими учениками на дому. Области научных интересов после стажировки во Франции во многом были определены влиянием этого ученого. Позже, в 1972 г., Ю.С. Степанов для широкой популяризации в СССР лингвистических идей организовал перевод и издание его “Общего языкознания”, за что получил благодарность автора. В 1995 г. Ю.С. Степанов издал другую книгу французского ученого — “Словарь индоевропейских социальных терминов”.

После учебы во Франции Ю.С. Степанов несколько лет работал в МИДе. Правда, об этом периоде он никогда не рассказывал, однако его влияние, по-видимому, осталось на всю жизнь.

По виду он был более похож на крупного дипломата, чем на профессора и академика — как их обычно изображают в театре и кинематографе. От многих коллег его отличали такие черты, как особая дисциплина, пунктуальность, скрупулезность, щепетильность. Он всегда вставал в одно время — рано утром и вскоре принимался за работу, а вечером рано шел спать. Говорят, что однообразный и монотонный ритм утомляет и не способствует творческому вдохновению. Только все это Юрий Сергеевич успешно опроверг — стоит только посмотреть на его труды и масштаб и разнообразие его интересов.

В 1961 г. Ю.С. Степанов был избран на должность заведующего кафедрой французского языка МГУ. И хотя эту должность он занимал всего год, в романистике ему удалось оставить заметный след: в 1965 г. была издана его “Французская стилистика в сопоставлении с русской”⁷. Помню, что в начале 1980 г.

в подсобке Ленинской библиотеки в Москве она по внешнему виду напоминала знаменитый роман А. Дюма “Три мушкетера”, зачитанный до дыр. Этот труд — особый, о чем свидетельствует тот факт, что в 2006 г. вышло его 4-е, а в 2008 г. — 5-е издание. Другой важной монографией стала “Структура французского языка: морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи”, изданная также в 1965 г. В 2011 г. Ю.С. Степанов (с женой) выпустил “Работы по испанской филологии”. Испанский язык он любил не меньше, чем французский. Ему доводилось читать лекции на испанском языке на Кубе. Так и слышу незабвенный голос Елены Самойловны Кубряковой: “Юра, ну скажи что-нибудь по-испански!” — и тот легко и непринужденно выдает ажурные пассажи на испанском.

В 1962 г. Ю.С. Степанов был избран заведующим кафедры общего и сравнительно-исторического языкознания МГУ. Вскоре, в 1966 г., он защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора филологических наук, а в 1968 г. становится самым молодым профессором филологического факультета МГУ. На этой кафедре он переключается на теорию общего, сравнительно-исторического и типологического языкознания, начинает читать курсы по введению в языкознание, синтаксису и семантике индоевропейского праязыка, спецкурс по структурно-семантическому описанию языка. Благодаря его инициативе была возобновлена и обновлена прежняя специализация по сравнительно-историческому изучению индоевропейских языков и открыта группа финского языка и финской литературы (1969). Он также вел курсы по литовскому и древнегреческому (евангельскому) языкам, написал грамматику греческого языка, основанную на идеях структурализма. Он издает учебные пособия по общему языкознанию и ряд важных научных работ. Но Юрию Сергеевичу всегда был чужд “театр одного актера”: для усиления научного потенциала кафедры он приглашает читать лекции и вести курсы по различным аспектам языкознания известных лингвистов: Ю.Д. Апресяна (1930), А.А. Зализняка (1935), Б.А. Успенского (1937), В.М. Иллич-Свитыча (1934–1966) и др.

В 1968 г., после подавления “Пражской весны”, начался период стагнации. Боясь повторения чехословацких событий, власть усиливает идеологическое давление и прибегает к определенным репрессиям. В науке вновь открывается возможность делать карьеру не в научных лабораториях, а в парткомах. В то время декану филфака МГУ не понравилось то, что на кафедре профессора Ю.С. Степанова в качестве приглашенных лекторов работают лица, считавшиеся диссидентами. К тому же сам заведующий читал со студентами евангельские тексты, пусть даже и в языковедческих целях. Все это стало причиной нападок на него и его ухода с кафедры в 1971 г. Читать лекции в МГУ он вернулся уже после того, как двадцать лет спустя возникла новая Россия. В 1999 г. он был удостоен звания “Заслуженный профессор Московского университета”.

В 1971 г. начинается его деятельность в секторе Общего языкознания Института языкознания АН СССР, куда его пригласил академик Б.А. Серебrenни-

ков (1915–1989) работать своим заместителем. Здесь профессор Ю.С. Степанов проработал более сорока лет. В этом ведущем лингвистическом учреждении СССР работали лучшие лингвисты страны, с ним сотрудничали признанные ученые, которые приглашались для выполнения крупных научных проектов. В этом секторе полностью раскрылся талант Юрия Сергеевича как ученого, больше половины времени здесь он проработал как действительный член АН СССР, а позже РАН, написал такие значительные работы, как монографии “Методы и принципы современной лингвистики” (1975), “Основы общего языкознания” (1975), “Имена, предикаты, предложения (Семиологическая грамматика)” (1981), “Семиотика: Антология” (составление, вступительная статья и редакция – 1983), “В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства” (1985), “Индоевропейское предложение” (1989), “Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия” (в соавторстве с С.Г. Проскуриным — 1993), “Язык и метод. К современной философии языка” (1998), “Протей: Очерки хаотической эволюции” (2004), “Концепты. Тонкая пленка цивилизации” (2007). В 1995 г. за создание “Лингвистического энциклопедического словаря” (1990) он вместе с группой сотрудников был удостоен Государственной премии Российской Федерации в области науки и техники.

Большой след академик Ю.С. Степанов оставил и в славистике, в такой ее важной области, как русистика. Материал русского и славянских языков он постоянно использовал во многих своих работах, но особым здесь стал его новаторский труд “Константы. Словарь русской культуры” (1997) — научный словарь концептов русского языка. Методология данного труда может быть успешно применена для создания подобных словарей славянских и других языков. За эту работу он был в 1999 г. удостоен особой награды в области русистики — золотой медали имени В.И. Даля.

Ю.С. Степанов активно интересовался литературой и театром. Это увлечение привело к тому, что в 1980-х гг. он некоторое время заведовал по совместительству кафедрой сценической речи в старейшем высшем театральном учебном заведении России — Высшем театральном училище (институте) имени М.С. Щепкина при Государственном академическом Малом театре. Следует заметить, что сценическое произношение именно Малого театра (не МХАТа или какого-либо другого) является эталоном московского произношения. Поэтому Юрий Сергеевич всегда был своеобразным эталоном и этого произношения.

Кроме большой научной работы, академик Ю.С. Степанов всегда нес немалую научную нагрузку: он был заместителем главного редактора журналов “Известия Академии наук: Серия литературы и языка” (1973–1987) и “Вопросы языкознания” (1988–1994), председателем научного совета РАН “Теоретические проблемы языкознания”, членом других научных комитетов и советов.

В жизни академика Ю.С. Степанова был еще один особый язык и страна — это Литва. Интерес к литовскому языку у него возник еще в аспирантуре МГУ,

но заниматься им регулярно он начал несколько позже — в 1962 г. Практически освоить литовский язык ему очень помогли летние поездки в Литву, особенно пребывание в Середжюсе и Паланге. Литовский язык со времен Фр. Боппа и А. Шлейхера был одним из важнейших языков для диахронического языкознания, в особенности для сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков. Юрий Сергеевич был одним из первых, кто понял его значение и для синхронического языкознания. Он занимался исследованием литовского языка в историческом плане, однако его больше всего занимало изучение его в структурно-типологическом плане. Литуанистическая карьера ученого началась в 1967 г., когда он выступил оппонентом на защите докторской диссертации Й. Казлаускаса⁸. Материал литовского языка и его анализ представлен во многих его монографиях. Кроме того, литовскому языку посвящено десятка два других его работ. Особым достижением явилось то, что, как отмечал в своей известной монографии по истории изучения литовского языка 1982 г. А. Сабалаяускас, “редко случается, чтобы какой-нибудь языковед — не литовец так хорошо говорил по-литовски”.

Ю.С. Степанов постоянно общался со многими литовскими лингвистами, в особенности с профессорами В. Амбразасом, А. Росинасом, А. Паулаускасом. Он много общался и с молодыми коллегами и студентами, читая лекции в Вильнюсском университете и в Институте литовского языка. Он был, пожалуй, единственным нелитовским ученым, который для Литвы подготовил 6 языковедов — профессоров, доцентов, старших научных сотрудников. Для его аспирантов Р. Венцкюте, Г. Нактинене, С. Криницкайте, К. Гаршвы, С. Валентаса и О. Полякова⁹ это была не только особая научная школа, но и школа научной этики и жизни. (А учеников у него, как было отмечено выше, было много не только в Литве, но и в разных концах бывшего СССР и Индии. После трагических событий 13 января 1991 г. Ю.С. Степанов специально приезжал в Литву вместе с другими видными деятелями русской культуры и науки поддержать стремление страны к независимости. Его заслуги перед литовской наукой были официально оценены в 2002 г., когда он был удостоен звания *Doctor honoris causa* Вильнюсского университета.

Трудно привыкнуть к мысли, что его больше нет с нами. Именно о таких людях, когда они уходят в мир иной, говорят: “опустела без тебя земля...”. Но в науке он по-прежнему продолжает жить. Ведь только за последние пять лет были переизданы многие его книги, получившие признание научной общественности: в 2008 г. вышло 5-ое издание “Французской стилистики в сравнении с русской” и 7-ое издание “Методы и принципы современной лингвистики”, в 2004 г. — 3-е издание “Константы. Словарь русской культуры” и 4-ое издание “Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика”. Последний труд Ю.С. Степанова “Мыслящий тростник. Книга о воображаемой словесности”, законченный и вышедший в 2010 г., посвящен осознанию своего места в этом мире — а в этом мире он был не столько лингвистом, сколько мыслителем.

Будет он жить и в нашей памяти. Написавший книгу о концептах профессор Юрий Сергеевич Степанов сам стал для нас кладезем концептов. Особым из них является концепт “Подмосковные вечера”. Его содержание раскрылось нам в молодости на берегу реки Клязьмы, в тихие и теплые весенние вечера. Какими чудесными были там закаты и как волшебно пели тогда соловьи...

Профессор Вильнюсского университета Олег Поляков

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Sabaliauskas A. *Lietuvių kalbos tyrinėjimo istorija. 1940–1980*. Vilnius: Mokslas, 1982, 132–134; Алексеев П.В. Юрий Сергеевич Степанов, in *Философы России XIX–XX столетий: Биографии, идеи, труды*. Москва: Академический проект, 1999, 761–762; *Российская Академия наук. Материалы к биобиблиографии*. Серия литературы и языка, вып. 26. Юрий Сергеевич Степанов. Сост. Р.И. Горячева. Москва: Наука. 2000, 63 р.; Арутюнова Н.Д., Кубрякова Е.С. Юрий Сергеевич Степанов. Очерк научной деятельности, in Кубрякова Е.С., Янко Т. Е. (отв. ред.) *Язык и культура. Факты и ценности. К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова*. Москва: Языки славянской культуры, 2001, 9–32; Venckutė R., Garšva K., Poliakovas O. Akademikas Jurijus Stepanovas ir lietuvių kalba, *Acta Linguistica Lithuanica*, 2002, 46, 223–227; Поляков О. Hommage Ю.С. Степанову — академику и человеку, *Respectus Philologicus* 2 (7), 2002, 170–182. Полный список литературы о жизни и трудах акад. Ю.С. Степанова до 2000 г. см.: (ор. cit.) Сост. Р.И. Горячева, 26–29. Много сведений о нем имеется в справочной литературе Интернета, см. в Википедии: http://ru.wikipedia.org/wiki/Степанов,_Юрий_Сергеевич; Мегаэнциклопедии Кирилла и Мефодия: <http://www.megabook.ru/Article.asp?AID=674905>; на сайте Биография.ру: http://www.biografija.ru/show_bio.aspx?id=121343; на официальном сайте РАН: http://www.ras.ru/win/db/show_per.asp?P=.id-2584.ln-ru и др.

² Ленинградская же наука во многом была обескровлена не столько блокадой города в 1941–1944 гг., сколько репрессиями и убийствами во время большого террора 1937–1938 гг. Достаточно вспомнить дело Н.И. Вавилова, когда генетике был нанесен непоправимый удар. Красный диктатор, как известно, обладал особой злопамятностью. Более десяти лет он не мог забыть и простить то, что в 1924–1925 гг. в борьбе за власть после смерти В.И. Ленина интеллигенция северной столицы поддержала своего главу Г.Е. Зиновьева (1883–1936). Кроме этого, часть научных учреждений и кадров Ленинграда была переведена в Москву, что еще больше усилило ее научный потенциал. Массовых репрессий против ученых, как в Ленинграде и некоторых других городах, здесь не было.

³ Среди них: Кузнецов П.С. (1899–1968), Аванесов Р.И. (1902–1982), Сидоров В.Н. (1903–1968), Серебренников Б.А. (1915–1989), Топоров В.Н. (1928–2005), Елизаренкова Т.Я. (1929–2007), Широков О.С. (1927–1997), Булыгина Т.В. (1929–2000), Журавлев В.К. (1922–2010), Иванов Вяч. Вс. (1929), Кочергина В.А. (1924) и мн. др.

⁴ Этому французскому лингвисту принадлежит идея и концепция психомеханики языка. Он также является создателем теории лингвистического ментализма, которую иначе еще называют феноменологией языка. У Гюстава Гийома Юрий Сергеевич слушал лекции о глубинных психорациональных основах языка.

⁵ Георгий Давидович Гурвич — известный российский правовед, который в 1920 г. был вынужден эмигрировать во Францию, где прославился как социолог-позитивист.

⁶ Опубликовавший более 50 сочинений Рене Юнг показал в них глубокое знание как античной, так и современной истории искусства, в особенности, живописи (“История современного искусства”, “Импрессионизм”, “Символизм” и др.). Его отличает неординарное понимание жизни форм и функций искусства: функции искусства он рассматривает в контексте не только истории и эстетики, но также социологии и психологии (“Психология искусства”). В книге “Диалог с видимым”, опубликованной до приезда Ю.С. Степанова, он акцентирует главенство визуальных образов в западных цивилизациях, которые он считает “цивилизациями образов”, и, опираясь на эту концепцию, представляет новое прочтение художественных произведений. Об этом, как можно предположить, он вполне мог говорить в своих лекциях, которые посещал Юрий Сергеевич. Другое, о чем он мог тогда говорить, — это выступление против чисто формального подхода к процессу изучения искусства и за выразительную функцию коммуникативного акта с миром, отражающего социальные и моральные преобразования. Такие предположения можно делать, исходя из содержания книги “Искусство и душа” (1960) вскоре после тех лекций. Системный подход в анализе искусства (в общеметодологическом аспекте) Ю.С. Степанов не мог не перенести на анализ явлений языка.

⁷ В первом издании книги указание на сопоставительный характер в заглавии отсутствует, но оно есть в разделе *От автора* на стр. 3.

⁸ Позже он не раз выступал в Литве в качестве оппонента докторских диссертаций (напр., А. Паулаускене, А. Росинаса) или писал на них отзывы.

⁹ Седьмым литовским учеником Юрия Сергеевича стал Артурас Йонкус, окончивший отделение русистики Вильнюсского университета в 1989 г. В 1991–1999 гг. он работал на дипломатической службе, а в настоящее время является специалистом и советником по вопросам коммуникации и связям с общественностью.

Профессор Вильнюсского университета Олег Поляков
Ноябрь 2012 г.